

Геннадий Авласенко

История вместо математики

Глава 1. История вместо математики

Подходя к кабинету математики, Настя невольно замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, глядя на часы. Знакомое чувство тревожной неуверенности вновь охватило её.

Десять минут урока уже прошло.

Если ничего из того, что они задумали, не получилось — а, скорее всего, так оно и есть — и если там за дверью, идёт сейчас урок математики, тогда...

О том, что ожидало её тогда, Насте не хотелось даже думать.

Некоторое время она молча и неподвижно стояла возле двери, потом с тяжёлым сердцем положила руку на прохладный металл дверной ручки, ещё немного помедлила, словно раздумывая, и, собравшись, наконец, с духом, осторожно приотворила противно заскрипевшую эту дверь.

И сразу же вздохнула с облегчением.

Вместо математики в кабинете шёл урок истории (по расписанию он стоял, кажется, предпоследним). Историк, Николай Сергеевич, нескладный и близорукий, стоял возле классной

доски, на которой, немного наперекос, была прикреплена карта наполеоновских войн. Николай Сергеевич водил указкой по карте и, одновременно с этим, что-то объяснял классу однообразно-монотонным и почти не различимым голосом.

В классе, между тем, каждый продолжал заниматься своими личными делами. Почти никто из учеников не слушал педагога, а некоторые даже вида не делали, что слушают, откровенно развлекаясь, кто как может. Такое происходило почти на каждом из уроков Николая Сергеевича, но он, то ли просто не замечал всего этого безобразия, то ли, что куда более вероятно, безобразие сие почему-то крайне мало его волновало.

— Разрешите, Николай Сергеевич? — подчёркнуто вежливо произнесла Настя, входя в класс.

— Нестерович? — оборвав на полуслове занудный свой монолог, историк с явным недоумением взглянул на Настю поверх очков, потом он подошёл к учительскому столу и уже сквозь очки уставился в классный журнал. — А я уже отметил, что тебя нет сегодня! — он вновь посмотрел на Настю поверх своих блестящих стёклышек. — Что же нам делать теперь?

Это был вопрос ради вопроса, и, прекрасно это понимая, Настя лишь молча пожала плечами и

направилась к своему месту, а Николай Сергеевич посмотрел на часы и почему-то глубоко вздохнул.

— Всё получилось! — радостно зашептала соседка по парте и, одновременно, лучшая Настина подруга, Вероника. — А ты сомневалась!

— Да я и сейчас не особенно верю, — тоже шёпотом ответила Настя, медленно и с явной неохотой вытаскивая из ранца по очереди: дневник, тетрадь, ручку и, наконец, сам учебник истории. — Ну, не пришла сегодня! Мало какая причина!

Вероника ничего не ответила и какое-то время подружки сидели молча и почти внимательно слушали об удивительных успехах наполеоновской Франции над могущественной хоть и разношёрстной коалицией европейских государств во главе с Англией, о борьбе не на жизнь а на смерть между Францией и Англией, об окружении армии Мака, об Аустерлице...

Наконец Вероника не выдержала.

— Ну, какая ещё может быть причина! — зашептала она почти сердито. — Не должно быть никакой другой причины!

— Не должно! — тут же согласилась Настя, глаза её вдруг испуганно округлились. — А ты вчера ни с кем не разговаривала, когда от меня шла?

— Нет! — рассеянно проговорила Вероника, думая о чём-то своём. — А ты?

— А я сразу же спать завалилась! — радостно сообщила Настя, потом она помолчала немного и добавила, ещё понизив голос: — Зря мы, наверное, иголку на парафиновой свечке накаливали! Сказано же было: на восковой! Причём, из чёрного воска! Слушай, а разве чёрный воск бывает?

— Парафин же бывает, — резонно заметила Вероника. — Почему тогда воску нельзя?

Настя пожала плечами, а Николай Сергеевич собрался с духом и, прибавив чуток металла в слабый свой голос, сделал подружкам замечание, после чего они какое-то время сидели молча и даже успели узнать об окончательном разгроме Пруссии и союзных ей российских войск при Фридланде, о Тильзитском перемирии, о личных встречах Наполеона и Александра...

— Слушай! — снова не выдержала Настя. — А давай спросим, почему её нет! — Настя умоляюще смотрела на подругу. — Спроси, а?

— Сама спроси!

— Думаешь, не спрошу! — Настя решительно вздёрнула вверх руку. — Николай Сергеевич, а почему у нас сейчас не математика? Где Мария Степановна?

В классе вдруг сделалось совсем тихо. Оторвавшись от всех своих посторонних дел или лёгкой приятной дрёмы, ученики, все разом, с интересом и даже с каким-то недоумением

повернулись в сторону Насти. Потом они, так же дружно, посмотрели на историка, в ожидании ответа.

— Мария Степановна... она, кажется, приболела, — немного помолчав, произнёс не совсем уверенно Николай Сергеевич, потом он снял очки, старательно протёр их какой-то тряпицей, вновь насунул на переносицу. — В общем, сегодня её не будет.

— А завтра? — выкрикнул кто-то из задних рядов.

— Завтра? — учитель, близоруко прищурившись, обвёл класс рассеянным взглядом и пожал плечами. — Не знаю. Скорее всего, тоже нет.

— А что с ней? — не выдержав, задала вопрос и Вероника. — Что-нибудь серьёзное?

И снова учитель немного помедлил с ответом.

— Её в больницу «скорая» увезла ночью, — высказав это, Николай Сергеевич помолчал ещё немного и добавил: — Кажется, с сердцем что-то...

Подружки разочарованно переглянулись.

— Почему с сердцем? — вновь зашептала Настя. — Сердце мы не трогали! — она вздохнула и неуверенно посмотрела на Веронику. — Может и правда совпадение?

— Надо ещё на ком-нибудь испытать! — Вероника задумчиво посмотрела в сторону монотонно бубнящего историка. — На нём, может?

Настя отрицательно мотнула головой.

— Не, он безвредный! Давай лучше... — она задумалась на мгновение. — Слушай, а давай на физичке! Она меня уже достала!

— Думаешь, меня не достала?!

Вероника наклонилась и вытащила из бокового кармашка ранца небольшие тонкие ножницы, несколько раз щёлкнула ими... положила на край стола.

Причёска у неё короткая! — с сожалением прошептала Настя. — Не срежем!

— Срежем! — Вероника вновь щёлкнула ножницами, как бы проверяя, потом сунула их в задний карман джинсов. — Нам что, пуд надо! — она взглянула на часы и какая-то странная, откровенно нехорошая усмешка зазмеилась на её плотно сжатых губах. — Ну, где тот звонок, блин! Эта техничка новенькая... вечно у неё проблемы какие-то со временем!

— Так что, может и её? — Настя тоже улыбнулась как-то нехорошо. — Или потом, после физички?

— Подумаем!

В это время прозвенел, наконец, долгожданный звонок и... сразу же вслед за этим дверь класса широко распахнулась. В класс почему-то вошёл сам директор школы, и все ученики привычно поднялись с мест.

— Садитесь! — директор махнул рукой и ученики вновь сели.

— Что ему надо? — встревожилась Настя.

Вероника лишь пожала плечами.

Директор же торопливо подошёл к учительскому столу, за которым, согнувшись в три погибели, сидел Николай Степанович и торопливо заполнял журнал. Директор наклонился к нему, что-то сказал тихо, потом снова повернулся к ученикам.

— Дети! — директор обвёл внимательным взглядом притихший класс. — Так получилось, что занятий у вас сегодня больше не будет.

— Ура! — радостно выкрикнул кто-то из задних рядов и сразу же замолчал.

— Дело в том, что ваш классный руководитель, Мария Степановна... — директор вновь обвёл внимательным взглядом учеников, — дело в том, что она умерла сегодня утром в больнице...

Директор замолчал. Класс тоже молчал, во все глаза глядя на директора. Одна только Вероника сидела, низко опустив голову, да ещё Настя — Вероника знала это, каким-то таинственным внутренним зрением ощущала — Настя смотрела сейчас не на директора, а на её, Веронику...

— А что с ней всё же было? — среди общего молчания спросил вдруг Николай Сергеевич. —

Сердце или...

— Сердце — не главная причина! — директор вновь посмотрел на учеников, потом вздохнул почему-то. — Там другое что-то, не совсем понятное... Внутренние кровотечения какие-то странные... притом по всему телу сразу. Не исключается, что... Нестерович, ты куда?!

Неожиданно вскочив с места, Настя всхлипнула и вдруг стремглав бросилась в сторону выхода. Словно слепая, она налетела на парту, тут же наткнулась на соседнюю. Потом, пробежав возле удивлённого директора и едва не задев его локтем, Настя выбежала в коридор...

— Такие вот дела... — директор снова вздохнул, посмотрел растерянно на распахнутую дверь. — Догони её, Смирнова! — вдруг обратился он к Веронике, — Почему она побежала, ты не знаешь?

Вероника отрицательно мотнула головой, одновременно с этим вставая с места. Потом она, медленно, не торопясь, направилась к выходу.

— Хотя, что я спрашиваю! — негромко произнёс директор. — Ясно, почему!

Услышав это, Вероника чуть задержалась у самого выхода, с какой-то странной тревогой посмотрела на директора, так, словно ожидая продолжения. Но продолжения не последовало.

— Ты что-то спросить хочешь, Смирнова?

— Нет, ничего! — сказала Вероника и вышла.

Подругу она нашла там, где и ожидала найти, в старом городском парке. Настя сидела на одной из скамеек и, почти уткнувшись лицом в колени, тихо плакала.

Некоторое время Вероника молча и с каким-то любопытством даже рассматривала неподвижно-сгорбленную Настину фигуру, потом она вздохнула и осторожно опустилась на скамейку рядом с подружкой.

— Ну всё, хватит! — сказала Вероника, положив руку на худенькое Настино плечо. Потом помолчала немножко и добавила, стараясь говорить как можно мягче и убедительней: — Возьми себя в руки!

— Не трогай меня! — одним резким движением Настя сбросила с плеча Вероникину руку, вскочила на ноги. — Неужели ты не понимаешь, что это мы убили её! Что это всё мы... мы с тобой... — замолчав, Настя в упор посмотрела на Веронику, — Ты улыбаешься?! Как можешь ты улыбаться, после всего того, что произошло!

Последние слова она почти выкрикнула.

— Замолчи! — Вероника тоже вскочила на ноги, тревожно оглядываясь по сторонам, потом она схватила Настю за руку, крепко сжала. — Что ты несёшь, дура!

Настины колени вдруг подогнулись и она

упала как подкошенная в молодую густую траву.

— Зачем! Зачем! Зачем! — неразборчиво, как пьяная, бормотала она, вздрагивая от беззвучных рыданий. — Зачем только я послушалась тебя! Зачем я, вообще, рассказала тебе об этой чёртовой книге! Почему я не сожгла её сразу же, как только нашла!

Вероника вновь настороженно осмотрелась вокруг, потом она опустилась на колени возле подружки. Схватила её за плечо, одним сильным рывком повернула к себе лицом и изо всей силы ударила ладонью по щеке.

Испуганно всхлипнув, Настя схватилась рукой за щеку и замолчала.

— Ну что, успокоилась? — тяжело дыша, Вероника в упор смотрела на подружку, прямо в перепуганные глаза её смотрела. — А теперь слушай внимательно! Слушаешь? Так вот, мы тут ни причём! Ты побежала, как дура, и не слышала, что директор потом говорил...

— А что он говорил? — голосом полным надежды прошептала Настя. — Почему она умерла?

— Почему умерла? — Вероника задумалась на мгновение, быстренько провела кончиком языка по внезапно пересохшим губам. — Понимаешь, он точно не знает, но её, оказывается, машина сбила позавчера. Легковушка...

— Легковушка? — Настя села, с некоторым

даже недоумением посмотрела на Веронику. — Какая легковушка?

— Обыкновенная! — Вероника вновь облизнула губы кончиком языка. — Иномарка, в общем, какая-то. Ну... ударила, Марья Степановна, естественно, упала...

— Упала, — словно эхо повторила Настя, потом, спохватившись, добавила: — А потом?

Вероника вздохнула, почему-то отвела глаза в сторону.

— Понимаешь, потом все решили, что ничего серьёзного не произошло, — сказала она, стараясь не встречаться с Настей взглядом. — Да и Марья Степановна сама тоже... вот даже в школу пришла, уроки проводила... Это позавчера...

— Вчера ведь она тоже была в школе! — сказала Настя.

— И вчера! — подхватила Вероника, искоса взглянув на подругу. — А потом ночью — вдруг резкое ухудшение! Понимаешь?

Настя неуверенно кивнула.

— Ну вот! — Вероника кинула на Настю быстрый испытующий взгляд, снова вздохнула и добавила: — В больнице уже ничего не смогли сделать...

Она замолчала.

— Машина? — Настя взглянула на Веронику, потом как-то неуверенно улыбнулась ей сквозь

слёзы, но это были уже совершенно другие слёзы, слёзы облегчения. — Ну, конечно же, машина! Машина, а не мы, правда же?

— Ну, разумеется, не мы! — Вероника поднялась с колен, досадливо морщась, принялась отряхивать с джинсов прилипшие к ним травинки, мелкие какие-то щепочки. — Так что, вставай, хватит хныкать! Идём!

— Куда? — встревожено спросила Настя, вскакивая на ноги. — В школу? Я не хочу сейчас в школу, я туда не пойду!

— И не надо! — сказала с каким-то даже облегчением Вероника... внимательно, даже слишком внимательно смотрела она сейчас на подругу. — Мы домой пойдём.

— А ранцы, учебники?

Вероника равнодушно пожалала плечами.

— Да что с ними случится, если разочек в школе переночуют! Завтра заберём.

— Ну, хорошо!

Настя улыбнулась и первой направилась к дорожке, ведущей к центральному выходу из парка. Потом она вдруг остановилась, повернулась в сторону Вероники.

— Пусть это и не мы! — торопливо прошептали её дрожащие губы. — Но ведь мы больше всё равно не будем так делать? — Настя смотрела на Веронику почти умоляюще. —

Пообещай, что мы больше никогда не будем так делать!

— Обещаю! — сказала Вероника, думая о чём-то своём, потом она посмотрела Насте в глаза, встревоженные и умоляющие одновременно, засмеявшись, добавила: — Ну, не будем, не будем!

Вероника подошла к Насте, обняла её за плечи, притянула к себе.

— Теперь успокоилась, дурёха?

Настя благодарно кивнула и пошла по узкой дорожке парка. Вероника же чуть приотстала, совсем немного... теперь она шла позади подружки, внимательно смотрела ей в спину и мучительно размышляла о той непростой, дурацкой даже ситуации, в которую сама же себя и поставила.

Их учительница математики, она же — их классный руководитель, Марья Степановна, умерла, и умерла она исключительно по их вине, ибо не существовало никакого автомобиля, якобы её сбившего. Всё это Вероника выдумала на ходу, сочинила исключительно для успокоения совести этой размазни, тряпки этой чёртовой, Насти. Но почему она выбрала именно автомобильную версию?

Не потому ли, что именно позавчера, тайком даже от Насти Вероника, используя игрушечный ярко-оранжевый автомобильчик своего младшего братика по отцу, впервые попробовала, пользуясь

странными и страшноватыми ритуалами Чёрной книги, сотворить нечто подобное тому, что вчера вечером они творили уже на квартире у Насти вдвоём. Из множества разнообразных вариантов они выбрали вчера именно вариант с иглами, пламенем свечки (парафиновой, правда, хоть и чёрного цвета).

Старинный обряд оказался весьма действенным даже с парафином, а автомобильный модернизированный вариант почему-то не сработал. Или не успел сработать, что, впрочем, не имело уже значения.

Но Насте об этом знать совершенно не обязательно, лучше ей обо всём этом просто не знать. Она и так с трудом превеликим поверила наспех придуманной Вероникиной лжи... да и в любой момент она может от кого-то из одноклассников узнать правду...

И что тогда?

«Дура! Тряпка! — с неожиданной даже для себя самой злостью подумала Вероника о Насте, исподлобья наблюдая за шагающей впереди подругой. — Такой шанс... такая власть над всеми... друзьями, врагами... И что, всё теперь побоку только потому, что Настя, видите ли, расклеилась! Ну, нет, так не пойдёт! Забрать у неё книгу, может?... да она теперь вряд ли отдаст, тем более ей, Веронике! А, может, отдаст, пока ещё не

всё знает?»

Вероника подняла голову и с удивлением обнаружила, что парк уже остался далеко позади, и они теперь находятся возле перекрёстка. Точнее, это она, Вероника, находилась возле перекрёстка, а Настя, нетерпеливая как всегда, уже шла через этот перекрёсток... шла одна-одинёшенька прямо на запрещающий сигнал светофора.

Не желая следовать дурному примеру подруги, Вероника законопослушно остановилась у самой кромки тротуара и прислонившись плечом к холодному бетонному столбу, замерла на месте в нетерпеливом ожидании. Но время шло, а проклятый этот светофор решил, кажется, поиздеваться над Вероникой, всё не давая и не давая ей разрешающего зелёного сигнала. Вероника решила уже, плюнув на все эти условности, бежать вслед за Настей, как вдруг, краем глаза заметила справа от себя какое-то постороннее движение. Тотчас же повернув голову вправо, Вероника увидела, как, вылетев на бешеной скорости из-за поворота, изящная ярко-оранжевая иномарка стремительно приближалась к перекрёстку, не думая даже хоть как-то скинуть перед ним немалую свою скорость. Наоборот даже, Веронике вдруг показалось, что по мере приближения к перекрёстку, скорость оранжевой иномарки ещё возросла...

— Настька! — вся похолодев от внезапной догадки, закричала Вероника и рванулась вперёд, к подруге, уже на ходу сообразив, что кричать было нельзя, что это ошибка, ибо Настя тотчас же остановилась посреди улицы и, обернувшись, с удивлением уставилась на бегущую к ней Веронику.

— Настька! — ещё громче заорала Вероника, поняв вдруг, что безнадежно опаздывает...

Машина была уже совсем близко, а Настя всё ещё не замечала её. Вероника же, напротив, отчётливо различала даже лицо водителя несущейся оранжевой этой смерти, странно неподвижное и ничего абсолютно не выражающее. Водитель был либо пьян в стельку, либо...

Либо находился под каким-то внешним сильным воздействием и совершенно даже не контролировал ситуацию...

Но Веронике уже некогда было над всем этим раздумывать. Настя наконец-таки заметила опасность, тонко вскрикнула от ужаса... метнулась сперва в одну, потом в противоположную сторону, что, конечно же, нельзя было делать ни в коем случае. Оранжевый автомобиль тоже изменил направление... он словно поставил себе конкретную задачу и явно не собирался в последний самый момент упускать жертву, заранее для себя намеченную. И в это самое время

Вероника, сделав, наконец, самое последнее и самое отчаянное усилие над собой, оказалась совсем рядом с Настей и, заслонив её своим телом, с силой отшвырнула подругу куда-то в сторону...

В те доли секунды, которые оставались ещё до столкновения, Вероника успела заметить, как испуганно расширились глаза водителя иномарки, который, словно очнувшись только сейчас от забытья или опьянения, осознал наконец весь страшный смысл происходящего... и в это самое время чужая, безжалостная сила швырнула её вверх, в пустоту. Вероника, не почувствовав даже боли от удара, ощутила вместо этого какую-то странную, пугающую лёгкость во всём теле и яркое, ослепительно-яркое сияние вспыхнуло вдруг прямо над её головой. И она понеслась туда, в яркое это сияние, поднимаясь всё выше и выше...

Мать, молодая и красивая, низко склонилась над её маленькой колыбелькой, ласково ей улыбаясь. Вероника как-то сразу поняла, что это и есть её мать, она узнала её сразу, хоть никогда в жизни не видела раньше, даже на фотографиях, ибо все фотографии сожгла мачеха в пьяном виде... давно, когда Вероника была ещё маленькой и ничегошеньки ещё не понимала. Потом мать наклонилась ещё ниже, и подхватила её на руки, и крепко прижала к своей груди, и Веронике сразу же стало так хорошо, как никогда в жизни не было.

Она тоже благодарно улыбнулась матери, уткнулась лицом в тёплое, ласковое, дивно пахнущее молоком и почему-то мёдом, материнское плечо да так и застыла в странном каком-то оцепенении. Вместе они стремительно понеслись ввысь, окружённые со всех сторон ослепительным этим сиянием, и Вероника с радостью осознала, что теперь они всегда будут вместе и никто никогда уже больше не разлучит её с матерью...

Она умерла ещё до того момента, когда обезображенное тело её, взлетев высоко над автомобилем и описав в воздухе длинную пологую дугу, тяжело ударилось об асфальт совсем неподалёку от оцепеневшей от ужаса Насти. Голова Вероники, страшно и ненатурально вывернутая, казалось, смотрела в упор на Настю мёртвыми, широко распахнутыми глазами, Снизу, из-под волос, в беспорядке рассыпавшихся по асфальту, уже расплывалось, становясь всё шире и шире, зловещее алое пятно...

И, осознав, наконец, всё произошедшее, Настя пронзительно закричала. Она всё кричала и кричала, так словно пытаюсь отчаянным этим криком хоть что-то изменить, исправить в только что произошедшим, пытаюсь повернуть время вспять, самой оказаться на месте мёртвой Вероники. К ней, к ним с Вероникой уже бежали

люди... взвизгнув тормозами, остановилась рядом милицейская машина, но Настя ничего этого не видела и не слышала. Её трясло, ощупывали чьи-то руки, какой-то мужчина бережно поднял Настю с асфальта и понёс на обочину, а она всё продолжала и продолжала кричать до тех самых пор, пока не потеряла сознание...

Глава 2. Во сне и наяву

Где-то еле слышно бормотали человеческие голоса, далеко, на самом пределе слышимости... но Настя даже не пыталась разобраться, о чём они там так непонятно бормочут. В том чёрном бесконечном пространстве, где она сейчас находилась, было на удивление хорошо и уютно, а главное, совершенно безопасно. Выходить из блаженного этого состояния Настя никак не торопилась, ибо впереди её ожидало — не помня абсолютно ничего о себе и своём прошлом, об одном этом она знала совершенно точно — впереди ожидало её что-то непередаваемо страшное...

Потом голоса вдруг стали стремительно приближаться, крепчать... с удивлением превеликим Настя узнала голос матери, а вот второй голос, мужской, она так и не смогла определить, это был какой-то совершенно чужой, незнакомый ей голос.

— Психологический шок, — монотонно и почти невнятно бормотал чуть хрипловатый этот голос, — защитная, так сказать, реакция организма на тот стресс, которому он подвергся. Но ей уже лучше, видите! — Настя вдруг почувствовала на своём лбу чью-то тёплую тяжёлую ладонь, удивилась и даже обеспокоилась слегка присутствию здесь, в чёрной своей бесконечности, этой явно лишней и совсем даже неуместной чужой ладони. — Всё самое страшное уже позади, могу вас уверить!

— Спасибо вам, доктор! — снова донёсся до Насти далёкий голос матери... Насте показалось даже, что мать всхлипнула, а, может, ей это только показалось...

«Доктор? — всплыло откуда-то из самых глубин подсознания вялое, почти безразличное удивление. — Причём тут доктор? Я что, заболела?»

Наверное она и в самом деле заболела, тяжело заболела, может даже с опасностью для жизни, и валялась в беспомощности какое-то время, довольно продолжительное. А вот теперь кризис, кажется, миновал или почти миновал, и дальше всё будет хорошо. Она уже очнулась, теперь пойдёт на поправку, выздоровеет...

Смущало и даже тревожило Настю то обстоятельство, что она ничегошеньки не помнила

об этой своей болезни, хотя бы о самой начальной её стадии. Болезни внезапно не начинаются, хоть что-то, хоть малость самую она должна была помнить... или эта болезнь действительно началась внезапно? А что было до того?

Настя вдруг с ужасом осознала, что не хочет вспоминать ЭТО... она просто боится ЭТО вспоминать.

Но почему? Что страшного могло произойти до начала ЭТОГО?

ЧЕГО именно она так опасается?

— Они что, были подругами? — глухо, как сквозь вату донёсся до её слуха голос этого самого доктора... мать что-то ответила ему, что именно, Настя так и не разобрала, но доктор, кажется, всё разобрал, он тяжело вздохнул и добавил: — Тогда понятно!

— Она спасла ей жизнь! — на этот раз голос матери прозвучал на удивление близко и отчётливо, а, может, это сама мать подошла ближе. — Она спасла её, а сама... — голос матери дрогнул. — Бедная девочка!

— Бедная девочка! — механически, словно эхо повторил доктор и оба они замолчали.

«О ком это они? — снова вяло заворочались в голове у Насти неторопливые и, одновременно, тревожные мысли. — Это я, что ли, бедная девочка? Но почему? Кого это я спасла, а сама...

Что, сама?»

Страшная мысль пришла вдруг Насте в голову и буквально пронзила её. Она кого-то спасла, а сама при этом сильно пострадала! А может... может, не просто пострадала, а стала инвалидом! Возможно, даже потеряла ногу! Или обе ноги! Или у неё проблемы с позвоночником, вот почему она не в силах даже пошевелиться!

— Родители у неё были? — снова донёсся до слуха Насти хриловатый голос доктора. — Я имею в виду, оба родители?

— Отец только... — Настя услышала, как мать вздохнула. — Отец, да и тот...

— Выпивает? — осторожно спросил доктор.

— Выпивают! — поправила мать. — С мачехой на пару!

— Бедная девочка! — доктор замолчал... слышно было, как он, позвякивая, собирает какие-то инструменты. — Её Вероникой, кажется, звали? А похороны когда?

Словно рухнула запруда и тяжёлый поток воспоминаний безжалостно обрушился на беззащитный, обнажённый Настин мозг. Всё странно и страшно перемешалось в стремительном этом потоке: смерть учительницы, ярко-оранжевая иномарка, стремительно несущаяся из пустоты прямо на неё, Настю, Вероника, неожиданно оказавшаяся рядом и заслонившая её собой. И

другая Вероника, окровавленная, пугающе неподвижная, посмотрела вдруг на Настю широко открытым, безжизненным взором... а потом, заслонив всё и вся, выплыла откуда-то из глубины подсознания страшная Чёрная книга и Настя явственно ощутила смертельную опасность исходящую от пожелтевших древних её страниц...

— Книга! — отчаянно закричала Настя, вскакивая с кровати. — Книга! Это всё Книга!

В глазах у Насти стоял какой-то странный красноватый туман, всё вокруг дрожало и расплывалось, но Настя сумела всё же рассмотреть сквозь кровавый этот туман испуганное лицо матери. А потом какая-то непонятная безжалостная сила схватила Настю, крепко до боли сжала её, швырнула на пол у самых материнских ног...

— Настя! Доченька! — мать подхватила её, прижала к себе. — Ну, успокойся, успокойся! Всё будет хорошо, вот увидишь!

— Книга! — Настя судорожно билась в руках у матери. — Уничтожь Книгу! Сейчас же её уничтожь!

— Доктор! — закричала мать, с трудом удерживая Настю. — Помогите, доктор! Сделайте хоть что-нибудь!

Настя вдруг почувствовала, как чужие сильные руки оторвали её от матери. Она попыталась, было, сопротивляться, но руки были

сильнее: и вот уже Настя вновь оказалась в кровати, потом что-то больно укололо её в правое плечо.

— Нет! — пронзительно завопила Настя, поняв, наконец, что произошло. — Не надо! — она уже вновь проваливалась в прежнюю обволакивающую пустоту, мысли путались, уплывали куда-то... сказывалось, наверное, действие укола... — Мне нельзя спать! — из последних сил прошептала Настя. — Книга! Сначала Книга! Её надо..... надо её... — язык Насти заплетался всё больше и больше, отдельные бессвязные слова сливались в сплошное неразборчивое бормотание, — уничтожьте Книгу... она... её...

— Что она хотела нам сказать? — удивлённо спросил доктор, наблюдая как мать осторожно укрывает спящую Настю одеялом, заботливо поправляет ей подушку. — О какой книге речь?

— Понятия не имею!

Мать пожала плечами, внимательно наблюдая за спящей дочерью, потом она встревожено посмотрела на доктора.

— Это пройдёт, доктор?

— Должно пройти.

Мать даже не подозревала о самом существовании Книги. О Книге знали только Настя и...

И Вероника.

Вернее, о Книге теперь знала одна только Настя.

Впрочем, была ещё и Ксюша... и она...

Она тоже кое-что знала о Книге...

Глава 3. Чёрная книга (Небольшое отступление в прошлое)

Третьим человеком, который, не всё, правда, но кое-что знал о Книге, например, о самом факте её существования, была Настина сельская подруга, Ксюша. Конечно, Ксюша не Вероника, но в бабушкиной глухой деревушке, где развлечений раз, два и обчёлся — в такой ситуации Ксюша была совсем даже неплохой подружкой. На безрыбье, как говорится...

Ксюша была на год с хвостиком старше Насти, но ростом совсем не удалась — доставала Насте до плеча только. Была она к тому же толстовата, не так, чтобы чрезмерно, но всё же излишне полной для своих молодых лет. Ещё она была близорукой, хоть очков принципиально не признавала, конопатой до невозможности, да и умом особым не отличалась, а если чем и отличалась, так это излишней болтливостью и суетливостью.

Но имелись у Ксюши и несомненные достоинства, а главным из них, по мнению Насти,

было то, что, несмотря на свой более старший возраст, смотрела Ксюша на Настю в точности так, как сама Настя смотрела всегда на Веронику — снизу вверх и с немалой притом долей обожания.

Чёрную книгу Настя и нашла именно благодаря Ксюше, точнее, неумной её болтливости. Это случилось прошлым летом, когда Настя, несмотря на все её просьбы и мольбы, вновь была отправлена матерью в «почётную ссылку» к бабушке на целый месяц. Скучала она там отчаянно, считала дни, оставшиеся до окончания «ссылки», даже Ксюшину присутствию была почти рада. Каждый вечер они гуляли вдвоём по деревне, заселённой преимущественно людьми пожилыми, не считая сопливых карапузов, тоже доставленных родителями к бабушкам на лето. Настя с Ксюшей были единственными представителями молодёжи в забитой этой деревушке. Проживал, правда, в деревушке ещё и местный тракторист-алкоголик Пашка, но так как, несмотря на свои двадцать с небольшим, выглядел Пашка на все сорок, Настя категорически отказывалась считать его «почти своим ровесником».

Однажды, гуляя вот так, неспешно и бесцельно, подружки забрели на самый дальний край деревни. Эту, самую крайнюю её улочку Настя знала особенно плохо, вернее, она её не знала

совершенно. Обычный глухой переулок, ничего такого особенного, но вдруг Ксюша, болтавшая как обычно, без остановки, в десятый, а может и в сотый даже раз пересказывая Насте какие-то давние события местного значения, так вот, болтливая эта Ксюша вдруг умолкла на полуслове, испуганно оглянулась вокруг и проговорила почему-то шёпотом:

— Куда забрели!

Потом она шмыгнула носом, ещё раз испуганно огляделась по сторонам и добавила ещё тише:

— Пошли скорее отсюда! — А так, как Настя не спешила выполнять эту Ксюшину установку, Ксюша, крепко ухватив подругу за рукав, почти силой потащила её прочь, приговаривая: — Давай, давай, поворачивай!

Настя пожала плечами. Ёй было всё равно, куда поворачивать, они так бы и ушли прочь, но болтливая Ксюша, не удержавшись, добавила:

— Видишь тот дом слева! Там раньше ведьма жила!

Настя обернулась и с неподдельным интересом посмотрела в указанную сторону. Неизвестно, что ожидала она там увидеть, но увидела лишь неказистую скособоченную избёнку с соломенной ещё крышей, с тёмными, почти непрозрачными стёклами двух маленьких окошек,

угрюмо смотрящих в сторону переулка.

— Ведьма? — недоверчиво переспросила она. — Настоящая?

Ничего на это не ответив, Ксюша лишь испуганно кивнула, что Настю даже позабавило слегка.

— Она что, на помеле летала, эта ваша ведьма? — не удержавшись, Настя прыснула со смеха, до того комической показалась ей испуганно-серьёзная Ксюшина физиономия. — Над деревней лунными ночами!

— Не смейся, не смейся! — Ксюша вторично ухватила подругу за рукав. — Накличешь, потом не отвяжется! Пошли лучше отсюда!

— Подожди! — Настя вырвала руку, посмотрела на подругу с жалостью смешанной с искренним каким-то недоумением. — Ты что, серьёзно веришь во всю эту чепуху? — она заметила вдруг, как зябко передёрнулись Ксюшины плечи. — Ты что, боишься её?

— А то нет! — Ксюша вновь поёжилась словно от холода. — У нас в деревне её все боятся!

— Подожди, подожди! — Ксюша совсем запутала Настю. — Так она что, не умерла? А ты говорила, вроде...

— Умерла! — Ксюша испуганно огляделась по сторонам. — Но её и мёртвую все боятся! — она замолчала на мгновение, молча уставилась на

недоверчивое Настино лицо. — У бабушки своей спроси, коли мне не веришь!

Пожав плечами, Настя ничего на это не ответила и подружки пошли обратно. Сначала они шли молча, но не успела только запретная избушка скрыться из глаз, как Ксюша вновь принялась трещать на самые разнообразные темы. Но, при всём разнообразии этих тем, тему ведьмы она старательно обходила, поэтому вскоре Настя тоже совершенно забыла о ведьме. Лишь вечером, уже отходя ко сну, Настя вспомнила о заброшенном переулке, о мёртвой ведьме, которую, если верить Ксюше, жители деревни по-прежнему смертельно боятся, а вспомнив, она тут же спросила у бабушки, уже лежащей в своей кровати:

— Сегодня Ксюшка о какой-то ведьме болтала... — она замолчала, ожидая, что же ответит на это бабушка, но бабушка не ответила ничего и Насте пришлось продолжать: — Что это за ведьма такая, а?

— Нашла о ком спрашивать на ночь глядя! — сердито проворчала бабушка и даже сплюнула. — И Ксюше твоей делать больше нечего, кроме как голову тебе забивать всякой ерундой! Вот я ей завтра всё выскажу!

— Бабуля! — Настя села в кровати, — Расскажи мне о ней!

— О ком? — не поняла бабушка. — О Ксюше,

что ли?

— О ведьме!

— Спи, давай! — бабушка снова сплюнула через левое плечо и, чего с ней никогда раньше не было, размашисто перекрестилась.

— Бабуля! — даже удивилась Настя. — Ты что, тоже веришь во всю эту ерунду? — Она помолчала немного и добавила с укоризной: — А ещё учительница бывшая!

Она замолчала, в ожидании бабушкиного ответа, но бабушка так ничего Насте не ответила, и, вообще, кажется, уснула. А потом и сама Настя незаметно задремала, и на этом их разговор о ведьме закончился.

А наутро Настя взялась за Ксюшу. Она устроила подруге самый настоящий допрос с пристрастием и вскоре узнала через неё всё, что хотела знать...

А впрочем, хотела ли?

Выяснилось, что женщина, которую Ксюша — как и вся деревня, впрочем — считала ведьмой, умерла много лет назад, но до сих пор никак не может уюмониться: всё вредит и вредит деревне.

— Как так? — не поняла Настя. — Мёртвая и вредит?

— Так это же ведьма! — Ксюша, как и вчера, испуганно оглянулась, понизив голос, добавила: — Ты знаешь, некоторые люди её ночью встречали...

ну, неподалёку от той улицы! Издалека, правда, видели, близко она ни к кому не подходила, но всё равно страшно!

— И что? — тоже шёпотом спросила Настя. Тревога подруги каким-то непонятным образом передалась и ей. — Ты её тоже встречала?

— Да что ты! — Ксюша встревожено замахала рукой. — Да я б от страха на месте окочурилась! — Она вздохнула, помолчала немного и добавила: — А вот люди видели! — глаза Ксюши вдруг испуганно округлились. — И знаешь ещё что...

— Что? — спросила Настя.

— Она всегда перед чьей-то смертью появляется! Вот как её увидят — через какое-то время в деревне умирает кто-то... не тот, кто увидел — другой кто-нибудь! И всегда глупой какой-то смертью: то в речке утонет, то в бане угорит, то ещё какая-нибудь ерунда. Не веришь?

Вместо ответа Настя лишь как-то неопределённо пожала плечами.

Конечно же, она ни капельки не поверила во всю эту чепуховину, но спорить с Ксюшей по данному вопросу не стала. Вместо этого, Настя просто ловко перевела разговор на какую-то совершенно постороннюю тему, Ксюша сей разговор охотно подхватила... и тема ведьмы, казалось, была окончательно позабыта.

Но это только казалось. Уже вечером того же

дня Настя вдруг обнаружила, что боится темноты. Ей страшно было даже зайти одной в тёмный чулан, куда бабушка отправила её за молоком. А уж от одной только мысли о том, что придётся — а что поделаешь — выйти перед сном на тёмный ночной двор... от одной только мысли этой Настю вдруг бросило в такую дрожь, что она даже удивилась. Но удивление быстро прошло, а вот страх остался... настоящий первобытный какой-то страх... и пришлось недоумевающей бабушке сопровождать любимую внученьку в места не столь отдалённые...

Да и потом, лёжа уже в кровати и тревожно прислушиваясь к неровному свистящему дыханию мирно спящей бабушки, Настя, как не старалась, всё никак не могла и не могла уснуть. Потом ей послышалась какая-то странная возня прямо под окном, словно кто-то изо всех сил пытался приотворить его снаружи. Насте почудилось даже чьё-то мерзкое хихиканье в районе окна, она взглянуть боялась в ту сторону, не сомневаясь ничуть в том, что, взглянув, обязательно увидит в чёрном проёме окна горящие глаза мёртвой ведьмы и ужасную её физиономию. Вся похолодев от охватившего её ужаса, Настя долго лежала совершенно неподвижно — как вдруг мерзкое это хихиканье раздалось в самой уже комнате, в самом дальнем её углу, за сундуком, а может и в самом сундуке, кто знает. Кто-то явно пытался

приоткрыть сундук изнутри, выбраться из него наружу... это была, наверное, всё та же проклятая ведьма!

А потом Настя открыла глаза и, увидев, что за окнами уже рассвело, очень этому обрадовалась. Теперь она не могла с уверенностью утверждать: приснилось её то, что она слышала ночью или что-то такое на самом деле происходило, Но если что-то и царапалось под окном, а после в сундуке — скорее всего это были самые обыкновенные мыши, на худой конец, крысы. По мнению Насти, по сравнению с мерзкой ведьмой, даже крысы были вполне милыми и по-своему симпатичными созданиями. Вообще, при свете дня всё воспринималось совершенно по иному: вчерашние ночные страхи почти перестали быть таковыми, они съёжились, потускнели, но так и не исчезли окончательно. Настя не сомневалась даже, что нынешним же вечером всё вчерашнее обязательно повторится...

Она злилась на себя, но ещё больше Настя злилась на эту дуру Ксюшку, которую чёрт дёрнул за язык рассказывать ей все эти небылицы, как будто плохо жилось Насте ни о чём таком не ведая! Умом то Настя прекрасно понимала, что всё это чепуха из чепухи, сказочки для детей младшего школьного возраста, да и Ксюша ничего плохого ей не желала, когда всё это рассказывала, тем более,

что Настя сама попросила подругу. Но, понимая всё это, Настя злилась ещё больше, и чем больше злилась, тем более сильное беспокойство испытывала по поводу предстоящего вечера. Решив, наконец, что клин можно вышибить только аналогичным клином, Настя под каким-то пустячным предлогом увлекла ничего не подозревающую Ксюшу на ту самую заброшенную улочку, точнее даже переулочек, где почти все избы были пусты и заколочены. Невзрачная скособоченная избёнка с соломенной крышей, самая крайняя из них, вплотную подходящая к глухим зарослям крушины, шиповника и, высокой, в два человеческих роста, крапивы, и была бывшим жилищем страшной ведьмы.

Приостановившись напротив тёмной полуразрушенной калитки, Настя, оборвав вдруг на полуслове какой-то пустой и бессистемный разговор-болтовню, внимательно взглянула на подругу и сказала беспечно:

— Зайдём?

— Куда? — не поняла сначала Ксюша, потом глаза её испуганно округлились: — Туда?!

И она отчаянно замотала головой в знак полного своего несогласия.

Что ж, этого следовало ожидать.

Настя вздохнула и перевела взгляд с испуганной физиономии подруги на невзрачную

эту избушку. По правде говоря, ей тоже не особенно улыбалась перспектива туда входить, оставалось только дать уговорить себя не делать этого и удалиться со спокойной, так сказать, совестью...

Но эта дура, Ксюшка, вновь всё испортила!

— Ну, ежели ты так уж этого хочешь... — шёпотом проговорила она, — на одну минуточку ежели... — Ксюша замолчала, вопросительно тревожно посмотрела Насте в глаза и добавила, ещё более понизив голос: — А ты и в самом деле этого хочешь?

Больше всего на свете Насте хотелось дать сейчас Ксюше подзатыльник, хороший такой подзатыльник, увесистый, чтоб потом полдня чувствовала. Но она лишь вздохнула обречёно и, понимая уже, какую непоправимую глупость вот-вот совершит и уже совершая эту глупость, первой шагнула в сторону полуразрушенной калитки, осторожно, придерживая, приотворила её рукой. Калитка, что удивительно, не развалилась при первом же её прикосновении, она лишь печально и как-то зловеще скрипнула, пропуская сначала Настю, а потом и Ксюшу во внутренний двор...

— Ох и дура же ты, Настька! — на одном дыхании выпалила за спиной у Насти Ксюша, потом она вздохнула и добавила печально: — И я

тоже — дура набитая!

С этим последним утверждением Настя была согласна на все сто процентов.

Входной двери в сенцах не было вовсе, да и само это слово «сенцы» как-то не вполне подходило к дощатой сей пристройке, дырявой и светящейся в прямых солнечных лучах словно решето или, вернее, дуршлаг.

Прямо из пристройки дверь вела в самую избу, но, чтобы войти туда, Насте пришлось сделать над собой ещё одно усилие и толкнуть рукой эту самую дверь, почему-то отворяющуюся внутрь. Протяжно скрипнув, дверь отворилась и Настя вошла в избу. Следом неслышно как тень, внутрь проскользнула Ксюша и тут же остановилась рядом с Настей, тяжело и прерывисто дыша, крепко вцепившись обеими руками в Настину левую руку. Так, в полном и абсолютном молчании, подружки простояли некоторое время, насторожено, испуганно даже осматриваясь по сторонам.

Вообще-то, если говорить честно, Настя готовила себя к какому-то совершенно иному зрелищу, как-то совсем по-другому представляла она мрачную обитель ведьмы. Перед ней же была самая обыкновенная комната самой обыкновенной деревенской избы, бедной, правда, но ничуть не страшной. Огромная русская печь занимала едва ли не треть помещения, возле двух стен,

бревенчатых, безо всяких обоев или чего-либо подобного, были намертво прикреплены длинные деревянные лавицы, в углу между ними стоял стол, тоже деревянный, притом, не фабричного производство, а явно самодельный. В комнате, несмотря на то, что со времени смерти хозяйки прошло, если верить Ксюше, много лет, было на удивление чисто и даже, по-своему, уютно.

На бревенчатых стенах чернели там и сям связки каких-то высушенных растений, висели даже старинные, давно остановившиеся, часы-ходики... и всё! Смотреть тут было абсолютно не на что, бояться тоже не было чего. Настя, испытывая огромное облегчение и, одновременно, чего греха таить, некоторое разочарование, повернулась в сторону Ксюши, обняла её за плечо, крепко прижала к себе.

Ксюша ответно прижалась к Насте, благодарно улыбаясь своей городской подруге.

— И вовсе даже не страшно! — заявила она бодро, но голос у Ксюши всё же немножечко подрагивал от пережитого только что волнения. — Наверное, и правда придумали люди, а мы...

Она вдруг пронзительно взвизгнула, крепко уцепившись обеими руками в Настину руку. Потом что-то прощуршало возле самых ног Насти... машинально взглянув вниз, она тоже пронзительно взвизгнула.

Большущая серая крыса, неторопливо пробежав через всю комнату, остановилась на мгновение около стола и, повернув, словно белка, заостренную усатую свою мордочку, внимательно посмотрела на оцепеневших от ужаса девчонок чёрными блестящими бусинками глаз. Потом, так же неторопливо, крыса скрылась за печкой.

— Уйдём отсюда! — лязгая зубами от ужаса взмолилась Ксюша, по-прежнему не отпуская Настину руку, почти повиснув на ней. — Уйдём скорее.

— Это... просто... крыса! — сказала, а вернее, прошептала Настя враз пересохшими губами... она и сама удивилась даже, как здорово у неё пересохло во рту, язык словно в наждачную бумагу обернули, — Ты что, крыс никогда не видела!

— Это не крыса! — зубы Ксюши уже выбивали какую-то замысловатую барабанную дробь. — Это она была... ведьма! Ой, мамочки!

За печкой что-то явственно зашуршало, завозилось, потом там послышался тонкий писк... и снова всё смолкло...

— Пошли отсюда! — жалобно прошептала Ксюша. — Ну, пожалуйста! Делать нам тут нечего!

Настя была того же мнения. Эта проклятая крыса внезапным своим появлением разбудила в сердце девушки все прежние волнения и страхи.

Как и Ксюше, больше всего на свете Насте хотелось сейчас уйти отсюда. Просто уйти и никогда больше не возвращаться. Ей вдруг стало страшно, так страшно, как никогда в жизни не было... но Ксюше, по всей видимости, было ещё страшнее, а потому показать свой страх перед подругой Настя никак не желала.

— Это просто крыса! — повторила она уже чуть бодрее. — Это просто... — Настя вдруг замолчала, ибо что-то странное привлекло в этот миг её внимание. — Посмотри, что это там, на лавке?

На лавке лежала книга. Огромная старинная книга в чёрном переплёте, может даже кожаном. Удивительно, как они сразу не разглядели её там... если только...

Если только ещё мгновение назад книги на лавке просто не было!

— Что это? — не прошептала даже, а как-то пролепетала Ксюша, дрожа всем телом. — Откуда она взялась там?! — Ксюша замолчала, а Настя даже удивилась тому, что Ксюша сейчас подумала о том же самом, о чём и она, Настя. — Пошли отсюда! — выкрикнула вдруг Ксюша испуганно и одновременно с какой-то злостью, что ли... — Пошли, чего ты ждёшь!

— Подожди!

Не отводя глаз, Настя всё смотрела и смотрела

на странную эту книгу.

Книга была абсолютно чёрной, в самой же комнате тоже царил вечный полумрак, ибо густые заросли крапивы и одичавшей смородины за окнами почти не пропускали сюда солнечные лучи. Немудрено, что они её не сразу заметили, эту книгу...

— Это просто книга! — повторила ещё более уверенно Настя и, повернувшись в сторону Ксюши, хотела добавить ещё что-то такое, ободряющее... хотела, но не успела...

— А-а-а! — заорала вдруг Ксюша, тыкая трясущейся рукой куда-то в направлении книги. — Бежим!

Настя тоже обернулась в ту сторону и сердце её, застыв на мгновение в полной неподвижности, ухнуло затем куда-то вниз, наверное в самые пятки.

Книги на лавке уже не было. Но зато на том самом месте, где ещё мгновение назад они видели книгу, восседал теперь большущий чёрный кот.

— А-а-а! — вторично завопила Ксюша, бросаясь прочь из избы. Настя, не отставая, бежала следом, а немного опомнились подруги только пулей вылетев за калитку.

— Ох и дуры же мы с тобой, Настька! — не переставала повторять Ксюша всё то время, пока они быстрым шагом шли назад, на свою улицу. — И я дура, и ты! Какие же мы с тобой обе дуры!

Настя шла молча. Она вообще ни словечка единого не проронила да самого бабушкиного дома.

— Ты только, это... не говори никому! — умоляюще прошептала Ксюша на прощание. — Никому не рассказывай, где мы только что были! Обещаешь?

Настя пообещала молчать, и слегка успокоенная Ксюша, сообщив напоследок, какие же они обе дуры, убралась, наконец, восвояси.

А Настя, оставшись одна, не знала теперь, что ей и думать. Решив вышибить клином клин, она, кажется, ещё глубже заколотила их оба...

Книга не могла взять и превратиться вдруг в кота — это противоречило всему Настиному научно-атеистическому мировоззрению, но, тем не менее, Настя сама видела на лавке здорового этого котяру, совершенно отчётливо видела! Это не могло быть галлюцинацией или обманом зрения — они обе видели одно и то же! Но тогда... тогда, может...

Может, лежащего кота они и приняли вначале за книгу?

Такой вариант объяснял многое. Например, почему на лавке сначала ничего вообще не лежало, теперь Настя была уверена в этом стопроцентно... вернее, почти стопроцентно. Кот мог незаметно выбраться из-за печки, а потом, так же незаметно, запрыгнуть на лавку в тот момент, когда они обе

смотрели в другую сторону. Само же появление кота в пустой необитаемой избе тоже можно было объяснить не прибегая к чему-то сверхъестественному. Куда реальнее и проще было такое объяснение: проникая через какое-то малозаметное отверстие внутрь, чей-то соседний кот просто приходит охотиться на мышей и крыс.

Приняв эту версию как основную, Настя почти успокоилась. Даже потом, вечером ей почти не было страшно, вернее, она не давала своим страхам завладеть собой, безжалостно изгоняя их назад, в подсознание. Да и уснула она как-то быстро и незаметно, не в пример вчерашнему...

А ночью ей приснился сон. Станный и страшный.

Насте приснилось, что она по-прежнему находится в мрачном жилище покойной ведьмы, одна почему-то, без Ксюши, а на лавице в углу всё ещё лежит та чёрная книга, самая настоящая старинная книга, а никакой не кот...

— Книгу! Возьми книгу! — вкрадчиво прошептал чей-то голос прямо над Настиным ухом. — Она твоя! Возьми её! Возьми!

Никого рядом с Настей не было и ей впору было бы испугаться невидимого этого голоса, но Настя почему-то совершенно даже не испугалась. Наоборот, быстро подойдя к лавке, Настя наклонилась и осторожно взяла с неё чёрную книгу,

наугад, не глядя, раскрыла...

— Не надо, не открывай! — прошептал рядом всё тот же вкрадчивый голос. — Не здесь, не сейчас! Опасно!

— Почему? — спросила Настя, но книгу всё ж захлопнула и, крепко прижав её к себе, стала с обострённым чувством любопытства осматриваться по сторонам.

В комнате что-то происходило, непонятное что-то, или это только казалось Насте. Беззвучные и почти невидимые тени медленно кружили по комнате в каком-то странном колдовском хороводе. Сначала призрачные эти фигуры, казалось, совершенно не замечали оцепеневшую от ужаса Настю, но постепенно их движение становились всё более осмысленными, всё ближе и ближе к Насте придвигались в нелепом своём танце белёсые размытые фигуры. Вот уже чьи-то ледяные и вполне осязаемые пальцы несмело дотронулись до левой руки Насти... отдёрнулись, дотронулись снова... внезапно потянули к себе книгу...

Тонко вскрикнув от ужаса, Настя выронила книгу на пол и, прижавшись спиной к холодным брёвнам стены, застыла в полной отрешённости. Разум да и инстинкт тоже подсказывали ей, что надо бежать отсюда, бежать со всех ног — но там, у входной двери, этих белёсых, еле различимых тварей было больше всего! Их, вообще,

становилось всё больше и больше в комнате... они заполнили собой всю её без остатка. Настя даже расслышала их голоса, что-то еле осязаемое, слабый какой-то шелест бесчисленного множества голосов.

— Книгу! Книгу! Книгу! — шептали, бормотали эти голоса-призраки — Книгу! Книгу! — трудно было разобраться, понять, что же они в конце концов требуют: то ли, чтобы Настя вновь подняла книгу, взяла её с собой, то ли, наоборот, запрещают даже прикасаться к ней. В комнате быстро темнело, удивительно быстро — и чем темнее становилось в комнате, тем отчётливее проступали из темноты жуткие отталкивающие очертания белёсых тварей, удивительно напоминающих мертвецов в саванах, а, может, это и были мертвецы в саванах, кто знает...

— Книгу! Книгу! Книгу! — шёпот белёсых тварей звучал теперь почти угрожающе... всё ближе и ближе подступали они к оцепеневшей от ужаса Насте. — Книгу! Книгу! Книгу!

А сама ведьма, полукрыса-получеловек, мерзко хихикая, возилась за печкой, и вот-вот должна была выглянуть из-за неё...

Настя закричала, вернее, попыталась закричать, но голоса не было: она только беззвучно раскрывала рот в отчаянном немом крике. Потом она бросилась к выходу, но ноги были совершенно

ватные и словно чужие. А мерзкие твари уже обступили её со всех сторон, и мёртвая ведьма высунула наконец-таки омерзительную свою физиономию из-за печки и манила её к себе пальцем, синим и костлявым, и продолжала хихикать, показывая острые жёлтые свои клыки... и тогда Настя, наконец-таки, смогла заорать во всё горло и с таким же облегчением она заорала и...

...и проснулась.

И долго, очень долго никак не могла сообразить, где же она сейчас находится, и что с ней такое произошло.

Была ночь, самое время полнолуния. Яркий серебристый свет луны, плотно, без остатка заполняя собой комнату, придавал ей какой-то неземной, нереальный, фантастический даже оттенок. На какое-то короткое мгновение Насте почудилось даже, что сон всё ещё продолжается, что она по-прежнему находится в страшном жилище ведьмы. Казалось, ещё немного и вновь начнут появляться, возникать неожиданно из темноты страшные белёсые видения... но тут Настя разглядела в противоположном углу комнаты такую знакомую бабушкину кровать, и крепко спящую на ней бабушку. Наваждение сгнуло окончательно: вокруг была такая знакомая обстановка бабушкиного дома, а значит всё то, что привиделось Насте — было лишь сном и ничем

больше.

Постепенно успокоившись окончательно, Настя понимала уже, что весь тот кошмар, который она только что пережила, остался во сне. И в то же время некая раздвоенность всё ещё не покинула Настю окончательно, слишком уж реален и осязаем был этот сон. Почти физически чувствовала Настя на своей руке ледяное прикосновение одной из белёсых тварей, пальцы девушки по-прежнему ощущали твёрдый шершавый переплёт чёрной книги, всё ещё продолжал звучать в её ушах слабый, еле различимый уже шёпот-шелест:

— Книгу! Книгу! Книгу!

Боясь вновь уснуть и вторично пережить весь этот кошмар, Настя долго лежала с открытыми глазами и всё ждала и никак не могла дожждаться рассвета. Наконец дождалась и... тут же незаметно уснула, и проспала, считай, до самого обеда.

А после обеда всё и произошло.

Скучая и люто маясь от безделья — Ксюша, как назло, куда-то запропастилась — Настя решила немного позагорать. Было у неё любимое место для сего занятия в бабушкином саду, совсем недалеко от забора, вот там она и расположилась в вызывающе-минимальном для обзора купальном костюме, с наушниками от плеера на ушах, с детективом Агаты Кристи в руках. Настя загорала, слушала музыку, читала... всё это одновременно.

Потом — и очень скоро — ей надоело и то, и другое, и третье, и всё вместе взятое.

Настя отложила книгу, вырубила плеер, лениво перекадилась на спину и... тут только обнаружила за невысоким забором Пашку-тракториста собственной своей пьяной персоной. Пашка стоял за забором, схватившись за него обеими руками и откровенно-жадным взглядом пожирал почти обнажённое Настино тело. Сколько времени он уже тут проторчал — одному Богу известно.

Возмущённая и оскорблённая до самой глубины души, Настя мгновенно вскочила на ноги, одними быстрым движением накинула на себя бабушкин махровый халат, плотно в него завернулась и лишь после всего этого вновь соизволила повернуться в Пашкину сторону.

— Ну, чего рот разинул! — сердито бросила она ему. — Нечем больше заняться?

Чумазое лицо Пашки расплылось в ответ в широкой дружеской улыбке. Он был слегка навеселе, так, самую малость...впрочем, это было его нормальным состоянием, не считая тех нередких моментов, когда он, мертвецки пьяный, валялся под чьим-нибудь забором.

— Нечем заняться? — повторила Настя, без особой, впрочем, злости.

— А что тут такого?

Пашка пожал плечами, задумчиво провёл ладонью по грязной, давно не бритой щеке и вдруг — это было уже, вообще, верхом наглости с его стороны — довольно интимно подмигнул Насте.

— Есть на что посмотреть!

— В зеркало посмотришь сначала! — резко парировала Настя эту его неуклюжую попытку комплимента. — Тоже мне, кавалер выискался!

Вообще-то, если честно. Пашка этот выглядел бы вполне симпатичным и даже красивым парнем, если бы не водка-матушка да не этот, вечно замызганный и потрёпанный, внешний его вид.

Настя втайне надеялась, что после этих её слов Пашка обидится и слиняет, оставив её в покое, но Пашка, кажется, был не из категории обидчивых.

— Слушай, а ты чего это на танцах больше не появляешься? — спросил он прежним дружелюбным тоном, потом, помолчав немного, добавил: — Может сегодня придёшь?

— О, господи! — Настя вздохнула, страдальчески возводя к небу глаза, — Вот только танцев ваших мне и не хватало для полного счастья!

— А что? — Пашка пожал плечами, вторично поскрёб ногтями тёмную щетину на щеке, — Танцы как танцы... весело...

— Очень!

Однажды Ксюше удалось-таки затащить

Настю в соседнюю деревню на эти их танцы-шманцы. Воспоминание о достопримечательном сим событии сохранились у Насти далеко не самые радужные.

В большом и пыльном деревенском клубе, напоминающем скорее амбар нежели очаг культуры, набралось постепенно пару десятков крикливо и безвкусно разодетых сельских девчат в возрасте от двенадцати до тридцати с хвостиком лет. Сюда же припёрлось десятка полтора парней плюс ещё такое же количество всевозможной детворы обоего пола начиная едва ли не с ясельного возраста. Почти все немилосердно дымили дешёвыми сигаретами и считай что на каждом шагу выдавали самые отборнейшие маты, что, впрочем, никого не шокировало, а наоборот, встречало полное, так сказать, понимание даже со стороны местных «дам». Большинство парней и подростков заявили в клуб в более или менее «подогретом» виде, остальные «подогревались» тут же на месте, не покидая даже стен клуба.

Едва переступив порог этого «очага культуры», Насте сразу же захотелось его покинуть, но Ксюша, как назло, заупрямилась и уходить отсюда не пожелала. Тащиться же одной добрый пяток километров Насте не улыбалось, пришлось тоже остаться, а потом заиграла какая-то жалкенькая музыка и пьяные кавалеры начали

разбирать дам... именно разбирать ибо слово «приглашать» тут не подходило определённо. Насте ещё повезло, её именно пригласили, и пригласил не кто иной, как этот самый Пашка. Впрочем, это было ещё одним из лучших вариантов в сравнении с прочими донельзя разогретыми местными «джентльменами»...

Потом Пашка пригласил её вторично и Настя, едва не скрежеща зубами от бессильной ярости, всё же послушно с ним протанцевала и этот танец, показавшийся ей почти бесконечным. А ещё потом в клубе завязалась некая потасовка и, естественно, все «джентльмены» дружно в неё ринулись, а Настя наконец-таки сумела утащить за собой слабо упирающуюся Ксюшу, и они пошли домой. Пока они торопливо покидали деревню, этот самый Пашка как-то ухитрился за ними увязаться и уже ни на шаг не отставал. С одной стороны это было вроде бы и не плохо, не так всё же страшно переться узкой тропочкой через пустырь и кустарники... с другой же — эти его плоские избитые остроты к концу совместного путешествия вконец осточертели Насте.

И вот смотрите-ка, вообразил себе что-то такое с достопамятного того вечера!

— Ну так как? — снова повторил Пашка. — Придёшь?

— Обязательно! — саркастически улыбаясь,

сказала Настя. — Вот прямо сейчас и побегу собираться!

Но Пашка, как оказалось, сарказма не понимал вовсе.

— Правда! — искренне обрадовался он. — А давай вместе пойдём?

— Что? — Настя ошарашено уставилась на Пашку. — Вместе с тобой?

— А чего тут такого! — Пашка вновь широко улыбнулся, показывая все свои, хоть и не ухоженные, но довольно-таки неплохие зубы. — А хочешь, я тебя завезу?

— На тракторе? — в голосе Насти явственно звучала ирония. — Или на комбайне, может?

Но Пашка не воспринимал и иронии.

— Да нет, на комбайне неудобно, — вполне резонно возразил он. — А трактор в ремонте...

«Слава те, Господи!» — невольно подумалось Насте.

— Мы, это... на мотоцикле!

— Ну, ежели на мотоцикле...

Настя вскипела и хотела уже высказать незадачливому своему обожателю всё, что она о нём в настоящий момент думает, как тут в голове у неё мелькнула одна, совершенно даже неожиданная мысль. Настя и сама не понимала, откуда она взялась, эта мысль, скорее всего сказалось влияние кошмарного ночного сновидения.

— А знаешь, это неплохая идея! Я подумаю... — изменив совершенно тон, нежно и даже томно промурлыкала Настя. Вслед за этим она окинула бедного Пашку таким многозначительным и даже многообещающим взором — сказала Вероникина школа — что у парня даже нижняя челюсть слегка отвисла... — Только вот... не знаю даже, сумеешь ли ты мне помочь в одном деле...

Настя, не договорив, замолчала и вновь окинула Пашку томно-романтическим взором.

— А чего сделать надо? — сразу же засуетился тот. — Ты скажи только... ежели работа какая — я мигом!

— Правда?

«Остановись! — внезапно прозвучал в голове у Насти какой-то предостерегающий внутренний голос. — Не делай этого!»

— Ну, так чего надо? — продолжал волноваться Пашка. — Ты скажи только!

Тряхнув головой, словно отгоняя этим все свои сомнения, Настя внимательно посмотрела на Пашку и даже ласково ему улыбнулась (знал бы он, каких усилий это ей стоило).

— Ты дом ведьмы знаешь?

От неожиданности у Пашки даже глаза стали круглыми.

— Кто ж его не знает! — с трудом выдавил он из себя, потом помолчал немного и добавил: — А

тебе, это... зачем?

— Понимаешь, я там... — Настя замолчала... вновь чарующе улыбнулась Пашке, — я там, понимаешь, книгу одну забыла. На лавке.

— Книгу? — глаза у Пашки стали ещё круглее, он с недоумением уставился на Настю. — Какую книгу?

— Чёрненькую такую... старинную... — Настя сделала паузу, потом продолжила, вложив в последние слова всю нежность, которую только смогла наскрести в душе. — Принеси, будь человеком!

— Подожди! — Пашка всё никак не мог прийти в себя. — Ты что, была там? Когда?

— Вчера! — Настя помолчала немного, явно наслаждаясь растерянной Пашкиной физиономией. — Так ты мне её принесёшь?

Преодолевая почти что отвращение, Настя перегнулась через низенький забор... бабушкин халат распахнулся как бы ненароком... горячие Настины губы почти нежно дотронулись до небритой Пашкиной щеки.

— Принесёшь?

Ничего ей на это не отвечая, Пашка повернулся и, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее зашагал по улице прочь от Насти. Ну что ж, этого следовало ожидать!

Избавившись таким вот оригинальным

способом от своего назойливого кавалера и оставшись, наконец-таки, в одиночестве, Настя немедленно стащила с себя халат, вновь улеглась на покрывало и принялась загорать дальше, совершенно выбросив Пашку из головы.

А потом к ней заявила-таки пропавшая Ксюша и развеселившаяся Настя со смехом поведала подруге о том, как Пашка к ней клеился и как здорово она его отшила. Главное, оригинально очень!

Настя ожидала, что Ксюша, ежели и не рассмеётся, слушая её повествование, то хотя бы улыбнётся, но вышло совсем даже не так. Ксюша даже не улыбнулась. Более того...

Мрачно и с каким-то не совсем понятным испугом уставилась она на развеселившуюся Настю, потом, шмыгнув носом, сказала негромко:

— Зря ты это, Настька!

Потом она помолчала немного и добавила ещё более тихим голосом:

— Не надо было тебе его туда посылать!

— Да он туда и не пойдёт! — уже не смеясь, а с раздражением даже бросила Настя подруге, — Господи, да он уже, наверное, самогонку где-нибудь разыскивает, алкаш несчастный!

— Он не алкаш! — неожиданно вступилась за Пашку Ксюша. — Он... он...

— Пьяница отпетый! — закончила за Ксюшу

Настя. — Ты это хотела сказать?

Кажется, Ксюша хотела сказать не совсем это, потому как замолчала, дуясь на Настю. Настя тоже молчала, вновь углубившись в чтение, но смысл прочитанного как-то не доходил до её сознания. Мешало ощущение того, что она поступила несколько непродуманно, опрометчиво даже. Сюда же примешивалась злость на себя, на Ксюшку, на Пашку этого дурацкого! Зря она ему о книге ляпнула! Ведь разболтает, всем разболтает, что ходила она, дескать, вчера в запретную избу, а там и до бабушки слух дойдёт. Придётся оправдываться как-то, изворачиваться, может, даже врать, чего Настя ужас как не любила.

Вдруг Ксюша, издав некий неопределённый горловой звук, привстала с колен, внимательно вглядываясь куда-то через забор. Заинтересовавшись этим, Настя тоже вскочила на ноги и посмотрела в ту же сторону, что и подруга... посмотрела да так и застыла с открытым ртом.

По улице, приближаясь к ним, неторопливо шествовал Пашка, и в руке у него была... книга! Большущая чёрная книга, та самая или очень на неё похожая...

«О, господи! — ошеломлено подумалось Насте, — Значит он и впрямь туда ходил! Вот идиот-то! А книга... выходит, она существует на самом деле!»

— Держи! — сказал Пашка, останавливаясь напротив и протягивая её через забор книгу. — Эта?

Тут только он заметил Ксюшу, по-прежнему стоящую на коленях и тоже во все глаза на него глазевшую.

— Салют, Ксюха!

Не отвечая, Ксюша перевела взгляд на Настю.

А Настя смотрела на книгу. Во все глаза смотрела.

Сейчас, при ярком солнечном свете дня, хорошо было видно, что это всего только книга... старинная, что и говорить, непривычно громоздкая для нашего просвещённого века, в сплошном переплёте из какой-то чёрной шершавой кожи... но всего только книга...

— Эта? — снова спросил Пашка, всё ещё держа книгу на вытянутой руке. — Бери, чего ты!

Скорее машинально, нежели осознанно, Настя тоже протянула руку, приняла из грязноватых Пашкиных пальцев книгу. И вдруг неожиданно знакомо ощутила кончиками собственных пальцев шершавый её переплёт... появилось знакомое ощущение, что всё это уже было когда-то, что она уже держала в руке эту книгу, именно эту... но ведь то был всего лишь сон, да и наяву книга оказалась значительно тяжелее и объёмнее... настоящий старинный фолиант, место которому, разве что, в

музее...

— Как насчёт танцев?

— Что? — очнувшись от наваждения, Настя недоуменно уставилась на Пашку. — Каких танцев?

— Обыкновенных! — Пашка улыбнулся немного растерянно. — Ты же, это... обещала...

— Обещала? — Настя метнула быстрый взгляд в сторону насупившейся Ксюши, вновь посмотрела на Пашку, застывшего в томительном ожидании. — Знаешь, сегодня я не могу, дела! Давай лучше завтра, а?

— Завтра? — в голосе Пашки явственно послышалось разочарование. — А сегодня никак нельзя дела отложить?

— Нельзя! — Настя вздохнула почти натурально, показывая, что огорчена она сим обстоятельством ничуть не меньше Пашки, а может даже больше его. — А завтра обязательно пойдём! Да, Ксюша? — Настя повернулась в сторону Ксюши, помолчала немного в ожидании её ответа, когда же стало ясно, что отвечать Ксюша вовсе даже не собирается, Настя снова обратила свой ясный взор на Пашку, лучезарно ему улыбнулась, — Значит, договорились?

— Договорились! — разочарованно буркнул Пашка, потом он тоже немного помолчал, тяжело вздохнул и быстро зашагал прочь. Настя же, стараясь не глядеть в Ксюшину сторону, вновь

опустилась на покрывало. Книгу она положила рядом с собой и некоторое время внимательно на неё смотрела.

— Зачем ты над ним издеваешься? — проговорила вдруг Ксюша, по-прежнему избегая Настиного взгляда (как и сама Настя, впрочем). — Тебе это удовольствие доставляет, да?!

Последние слова она почти выкрикнула.

— О чём ты? — спросила Настя, хотя отлично всё поняла.

— За книгой этой послала! — продолжала между тем Ксюша, всё больше и больше себя распаляя, она словно и не расслышала последних слов Насти. — А знаешь, что у него из-за этого быть может?

— Цирроз печени? — совсем даже некстати ляпнула Настя и рассмеялась, потом, взглянув искоса на Ксюшу, тут же оборвала свой смех. — Да шучу я, шучу!

— Шутишь! — не сказала, а выкрикнула зло Ксюша, вскакивая на ноги. — Тебе всё шуточки, да?! И книга эта... зачем она тебе?!

Ксюша замолчала. Настя тоже молчала, с каким-то даже любопытством разглядывая сердитую Ксюшу. В их взаимоотношениях это было что-то новенькое.

— Эта ведьмина книга! — уже тише проговорила Ксюша. — Нельзя было её брать!

Неужели не понимаешь!

— А я что, брала? — Настя досадливо передёрнула плечом. — Откуда мне было знать, что этот приду... — она запнулась, искоса взглянула на Ксюшу, — что он всё всерьёз воспримет! Я же пошутила! Я, вообще, не думала даже, что она существует, книга эта!

Настя замолчала в ожидании Ксюшиного ответа, но Ксюша только молча на неё смотрела. Она ничего не сказала даже тогда, когда Настя осторожно придвинула к себе книгу... некоторое время рассматривала её чёрную матовую поверхность, потом развернула наугад...

— Интересно, что там внутри?

— Не смей! — взвизгнула вдруг Ксюша, моментально отскакивая в сторону. — Закрой и не трогай!

— Ты чего? — Настя недоуменно взглянула на подругу. — Чего ты?

— Закрой! — зло и, одновременно, жалобно как-то проговорила Ксюша. — Нельзя её раскрывать!

— Да почему это? — явно назло подруге Настя принялась листать книгу, но почти сразу же разочарованно пожала плечами. — Да тут какой-то шифр, что ли! Ничего не понятно!

Книга и в самом деле была, кажется, шифрованной. И что самое обидное — все буквы

в ней были свои, понятные (встречались, правда, кое-где и незнакомые странные значки, но это так, изредка), а вот составить из них связные слова...

Впрочем, слов то в книге не было вовсе — буковки в ней шли сплошными рядами, без малейших даже промежутков... и так все страницы, одна за другой, сверху донизу... Некоторое время Настя пыталась ещё хоть как-то прочесть явно зашифрованный текст... она даже книгу вверх ногами переворачивала... потом это ей надоело.

— Нам тут не разобраться! — Настя захлопнула книгу... снова посмотрела на Ксюшу. — Ну, чего ты?

— Ничего! — сердито буркнула та, буровя Настю взглядом.

— А если ничего, тогда садись! Чего вскочила?

Но Ксюша только упрямо мотнула головой, продолжая стоять. Стоя так чуть в отдалении, она исподлобья смотрела на Настю со странным каким-то выражением, чуть испуганно и даже с какой-то еле уловимой долей ненависти, что ли...

У Насти и самой поднимался уже откуда-то изнутри гнев перемешанный со злостью и досадой, гнев против растрёпанной этой дурёхи. Ишь, вылупилась, так бы и врезала, кажется, по мордасам!

— Ну, хватит! — сказала она, сдерживаясь из

последних сил, стараясь говорить спокойно и даже дружелюбно. — Садись, давай!

Ксюша поколебалась немного и наконец-таки села, но не на покрывало, а чуть поодаль, в траву.

— Слушай, Настя! — вдруг проговорила она быстрым, почти лихорадочным шёпотом. — А давай её сожжём?

— Кого? — не сразу поняла Настя. — Книгу? Ты хочешь сжечь книгу?

Ксюша кивнула, с надеждой глядя на подругу.

— Но зачем? — Настя пожалала плечами. — Книга как книга!

— Это книга ведьмы! — эти слова Ксюша почти прошептала, на лице её появилось вдруг странное какое-то выражение, затравленность какая-то, что ли. — Понимаешь, нельзя её у себя держать!

— Но почему?

Ксюша ничего не ответила, и на лужайке воцарилось продолжительное и довольно-таки неловкое молчание.

— Это просто книга! — Настя вновь пожалала плечами и, взглянув на Ксюшу, ободряюще ей улыбнулась. — Старинная книга, ничего не скажешь... ценная, наверное... — новая мысль внезапно пришла ей в голову. — Знаешь, что я сделаю! Я её в город с собой заберу, для школьного музея.

— Это ведьмина книга! — закричала вдруг Ксюша, вновь вскакивая на ноги. — Нельзя её никуда везти, как ты не понимаешь этого! Она в кота превращалась, забыла уже, что ли!

Но теперь Настя не было уверена в этом. Скорее всего книга так и оставалась книгой... кот же просто запрыгнул на неё... ну, а остальное дорисовало их испуганное воображение.

У страха глаза, как говорится...

— Сожги! — просительно и одновременно с какой-то скрытой угрозой в голосе проговорила Ксюша. — Или отдай мне, я сожгу! — она протянула руку. — Слышишь, лучше по-хорошему отдай!

— Чего, чего?!

Настя повернулась и, сощурив глаза, пристально посмотрела на Ксюшу.

— Что ты пропищала только что?

В их отношениях это было что-то новенькое. Никогда ещё Ксюша так с Настей не разговаривала.

— Отдай!

Ксюша, изогнувшись, попыталась было ухватить книгу, но Настя была начеку. Моментально вскочив на ноги, она с такой силой оттолкнула подругу, что та, не удержавшись на ногах, грохнулась наземь. Да ещё и угодила задним местом в колючий куст крыжовника.

Устыдившись своего поступка, Настя хотела

уже извиниться, но не успела этого сделать.

— Всё твоей бабушке расскажу! — со слезами на глазах выкрикнула Ксюша, вновь вскакивая на ноги. — Всё расскажу, вот увидишь!

Слова извинений так и остались на языке у Насти, вместо стыда в ней вновь вспыхнула злость.

— Ну, и что именно ты ей рассказывать собираешься?

— Всё! — ещё громче выкрикнула Ксюша, размазывая грязь и слёзы кулаком по щеке. — Как ты меня к ведьме в дом затащила... как с Пашкой сегодня заигрывала!

— А тебе что, завидно? — Настя уже тоже завелась. — Завидно, кикимора?

Настя поняла, что ляпнула уже что-то лишнее, но слова, как говорится, не воробей...

— Как ты меня назвала только что?

— Никак не назвала! — сердито буркнула Настя.

— Нет, назвала! — взвизгнула вдруг Ксюша. — Ты меня кикиморой обозвала?! Ты... ты... да ты меня уже давно ненавидишь!

— Я?! Тебя?!

Настя насмешливо фыркнула.

— Вот уж было бы кого!

— Ненавидишь, я знаю! — видно было, что Ксюша завелась не на шутку, у неё даже губы затряслись... — С Павлом нарочно кокетничаешь,